

УДК 323.21

*А.И. Лысюк, М.Г. Соколовская***ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО:
СТРУКТУРНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ (часть 1)**

В данной статье определяются структурно-функциональные характеристики гражданского общества. Первоначально исследуются основные причины существенных различий в научной интерпретации этого феномена. Дается критический анализ основных подходов к его определению. В качестве методологических оснований его изучения предлагаются принципы деятельностного подхода и социально-конструктивизма. Опираясь на эти принципы, в первой части статьи вычленяются основные субъекты гражданского общества. Проводятся также различия между гражданским и квазигражданским обществом.

Введение

В современном мире тематика и проблематика гражданского общества не только не теряют своей актуальности, но и привлекают все большее внимание как исследователей, так и политиков, руководителей различных общественных секторов. С особой силой и очевидностью подобный тренд обнаруживается в общеевропейском контексте. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что система перспективного управления в рамках ЕС предусматривает усиление роли структур гражданского общества с целью преодоления «дефицита демократии», в чем упрекают эту организацию многие политики. Вследствие этого, приняв в качестве базового постулата тезис о том, что «гражданские, политические и социальные диалоги» могут внести вклад в продвижение демократического процесса, руководством Европейского союза выдвигается цель – строительство масштабного гражданского диалога на уровне Евросоюза и превращение ассоциаций гражданского общества в «новые модели управления», интегрированные в «процессы формирования и реализации политического курса» [1, с. 103].

С другой стороны, одной из ключевых задач большинства постсоветских государств является формирование структур гражданского общества, без которых представляется невозможной их социально-экономическая модернизация в контексте демократического транзита. По этой причине, например, президенты РФ во всех государственных стратегических документах выдвигали и выдвигают установку на развитие в стране институтов гражданского общества. Более того, тема гражданского общества является настолько политико-идеологически и конъюнктурно-прагматически привлекательной, что свою готовность его развивать продекларировали даже те государства, которые сделали ставку на авторитарную модель управления. И, безусловно, сам формат постиндустриального общества, утверждение базовых принципов гражданской политической культуры и постматериальных ценностей в государствах западной цивилизации с необходимостью предусматривают значительное расширение пространства для гражданских инициатив и практик. При этом, однако, до сих пор не умолкают дискуссии вокруг содержания дефиниции «гражданское общество», структурно-функциональных характеристик этого феномена. Например, немецкий исследователь Ю. Коки охарактеризовал гражданское общество как «ускользающую реальность» и сравнил его с пудингом, который безуспешно пытаются прибить к стене гвоздями [2, с. 74]. В этой ситуации принципиальное значение (не только научное, но и политико-прагматическое) имеет выделение четких и однозначных структурно-функциональных характеристик гражданского общества, пригодных, в том числе, и для дальнейшей их операционализации и сравнительного анализа. Сделать же это возможно только в случае использования общих методологических принципов научного исследования.

Основные подходы к определению гражданского общества

Специально не останавливаясь на причинах отсутствия интегрированной теории гражданского общества (при очевидной множественности научных работ на эту тему), отметим, тем не менее, три из них. В первую очередь, укажем на то, что в рамках индустриального и постиндустриального обществ за гражданским обществом закрепились особые идеологические характеристики, производные от либеральной модели западного образца, что позволило некоторым исследователям увидеть в этом термине не столько научную категорию, сколько идеологему, которая стремится идентифицировать в качестве его субъектов только политико-идеологически «близкие» либеральным социальные институты, институции и способы действий.

«В результате понятие гражданского общества... становится элементом идеологической системы, увязывается с доминирующими в обществе институтами, в том числе и с властными институтами» [3, с. 65].

Подобный подход вызвал критические оценки со стороны ряда экспертов и представителей общественности (особенно России), которые видели в такой идентификации структур гражданского общества стремление «Запада» к политическому доминированию на постсоветском пространстве [4, с. 121]. Действительно, возникает естественный вопрос: можно ли отнести к проявлениям гражданского общества, например, деятельность «Братьев-мусульман» в Египте или же движения «Хамас» в секторе Газа, осуществляющих на принципах самоорганизации социальную помощь местному населению, если при этом в их акциях присутствуют многие внешние признаки гражданского общества как такового, но радикальным образом отрицаются либеральные ценности?

Кроме этого, терминологическая разногласия относительно определения гражданского общества была вызвана различием методологических парадигм, используемых исследователями при изучении этого феномена.

Следует указать также на фактор исторический: известные мыслители в разные исторические эпохи начиная с Нового времени достаточно произвольно и чрезмерно широко формировали и форматировали пространство этой социальной сферы. В XX же столетии по отношению к этому феномену стала доминировать иная крайность – эмпирический подход. Поэтому совершенно прав К. Подъячев, полагая, что «когда ведутся дискуссии о наличии (отсутствии) в России «гражданского общества», нужно прежде всего определиться с тем, что же имеется ввиду: совокупность некоммерческих, самоорганизованных объединений граждан; особое состояние социума, или же некая «промежуточная сфера» между государством и частной жизнью (как это полагал Гегель)?» [5, с. 104]. Если же классифицировать существующие подходы к определению гражданского общества, то мы можем выделить следующие их группы.

Во-первых, в момент своего генезиса гражданским обществом именовали государственное образование, порвавшее изначальные узы со своим первобытным состоянием и с естественным государством, в котором «властитель приобретает себе граждан по собственной воле», в то время как гражданское общество является созданным по свободному выбору на основе соглашения между свободными гражданами, которые «своим собственным решением подчиняют себя господству одного человека или собрания людей, наделенных верховной властью» [6, с. 332]. В этом случае гражданское общество включает в себя всю гамму общественных связей и отношений, скрепленных государственными скрижалями. Кроме этого, его первородным и неизменным качеством провозглашается свободный и ответственный выбор граждан в пользу определенного формата социальной жизни.

Во-вторых, по-прежнему влиятельным в академическом сообществе является обоснованный Гегелем подход, рассматривающий гражданское общество как социальное пространство и систему общественных отношений, пролегающих между первичными

группами (индивиды, семья и т.д.) и политической властью (государством). Гражданское общество, согласно Гегелю, образует сферу реализации частных целей и задач индивида, его потребностей за пределами семейных институтов, и основано на свободе частного лица, на институте частной собственности, что актуально и принципиально и для современного понимания гражданского общества. Важными его характеристиками, согласно Гегелю, являются принципы всеобщности и зависимости граждан друг от друга, поскольку «в гражданском обществе каждый для себя – цель... Однако без соотношения с другими он не может достигнуть своих целей... Но особенная цель посредством соотношения с другими придает себе форму всеобщего и удовлетворяет себя, удовлетворяя вместе с тем стремление других к благу... Эгоистическая цель, обусловленная таким образом в своем осуществлении всеобщностью, обосновывает систему всесторонней зависимости» [7, с. 228]. Подобные взаимозависимости, пусть и основанные на природном эгоизме, естественным образом побуждают человека к ассоциативной жизни. При этом возникает диалектическое единство между гражданским обществом и государством, которые соотносятся как рассудок и разум: гражданское общество – это «внешнее государство», «государство нужды и рассудка», а подлинное государство – «разумно», в силу чего наблюдается доминирование второго над первым.

По сравнению с Гоббсом, у которого гражданского общества полностью поглощалось государством, у Гегеля – это пересекающиеся сферы, составляющие интегративное единство. При этом в гражданском обществе (по Гегелю) усиливается внегосударственное (частное) начало при сохранении лидирующей роли институтов государства, что по своему логично для эпохи становления буржуазных отношений и слабости автономных от государства структур.

В-третьих, в современной науке в наибольшей степени утвердилось понимание гражданского общества Алексиса де Токвиля, согласно которому главной его характеристикой является проявление и функционирование различных социальных инициатив и гражданских практик в рамках демократической политической системы. Опираясь на опыт США, он отмечал, что «свободные институты, имеющиеся в распоряжении жителей Соединенных Штатов и те политические права, которыми они столь часто пользуются... ежеминутно возвращают его к мысли, что быть полезным для окружающих – долг человека, вполне отвечающий его собственным интересам... Сначала он служит общим интересам по необходимости, а затем уже руководствуется сознательным выбором... и столь много работая на благо своих сограждан, он, в конце концов, обретает привычку и склонность к служению им» [8, с. 377–378]. От этой идеи, от такого мировоззрения естественным образом «на практике» рождается множество гражданских инициатив. В этом случае гражданское общество включает в себя всю гамму негосударственных автономных институтов, организаций и социальных практик, посредством которых индивиды реализуют собственные цели на принципах самоорганизации (политические партии, бизнес-структуры, волонтерские объединения, группы взаимопомощи и др.). Исходя из подобной интерпретации гражданского общества, И. Кравченко, к примеру, определяет его как «общество с развитыми экономическими, правовыми, культурными, политическими отношениями между самими индивидами, не опосредованными государством. В таком обществе свободно развиваются ассоциативная жизнь... сфера массовых движений, партий, группировок по интересам, убеждениям, любым другим признакам» [9, с. 136].

Подобная интерпретация гражданского общества является преобладающей на постсоветском пространстве. Одна из крайностей этого подхода выражалась в том, что некоторые исследователи включали в гражданское общество практически все негосударственные социальные сегменты, все, что находится за пределами государства: бизнес, церкви, культуру и др., что, безусловно, лишало этот феномен качественной опреде-

ленности. Достаточно широкое распространение получила и точка зрения, указывающая на исключительно неполитический характер гражданского общества, что представляется неверным, поскольку множество субъектов гражданского общества традиционно интегрированы в политический процесс: группы наблюдателей на избирательных участках, политические акции солидарности (протеста), правовая защита населения и др.

Кроме этого очевидно, что социальные институты и практики гражданского общества обладают определенным ценностным качеством. При использовании же чрезмерно расширенного варианта это становится неочевидным, что позволяет любые инициативы, например, деятельность мафиозных образований, отнести к гражданскому обществу, что изначально неверно.

Разумеется, независимость от государства является базовой характеристикой гражданского общества. Активное использование этого понятия отразило прежде всего процесс усиления в обществе норм индивидуальной и групповой свободы относительно государственным институтам и даже в противовес им. Российский исследователь А. Соловьев при этом указал на фундаментальные различия между государством и гражданским обществом, которые, по его мнению, «образуются в параметрах бинарных отношений принуждения-свободы, патронажа-самодеятельности, контроля-самоконтроля» [10, с. 30].

В реальности, однако, практически все социальные практики структур гражданского общества в той или иной степени опосредованы государством, даже в тех ситуациях, когда гражданская активность проявляется, что называется, «в чистом виде». Как правило, индивид либо группа людей реализуют частные или коллективные инициативы совместно с государством, зачастую с помощью его ресурсов. В качестве достаточно типичных примеров можно указать утверждение во многих странах для общественных и церковных организаций государственного социального заказа или же формирование общественных и консультативных советов при органах государственной власти.

В-четвертых, достаточно распространенным, особенно в области построения международных рейтингов, является подход, по сути дела, отождествляющий понятия гражданского общества и так называемого «третьего сектора», включающего в себя неправительственные организации (НПО) и некоммерческие организации (НКО), а также социальные инициативы, действующие вне рамок государственного контроля и стремящиеся в той или иной степени к институционализации своих социальных практик. В этом случае количественные и качественные параметры гражданского общества в силу простоты определения его субъектов и деятельности легко локализуемы и изучаемы. Социологическая эмпирия дает возможность для осуществления эффективных качественных оценок этого феномена, концентрированно выраженных в индексе развития гражданского общества, представленных, в частности, в CIVICUS (World Alliance for Citizen Participation) с помощью методики «Бриллиант» [11, с. 32–33]. Существуют также иные исследования рейтинга гражданского общества в отдельных государствах, такие как Civil Society Index (CSI), World Values Survey (WVS), Civil Liberties Index (Freedom House), Civil Society Strength Index (CSSI), Global Civil Society Index (GCSI). Во всех этих случаях само содержание гражданского общества сводилось исключительно к деятельности НПО и НКО, оставляя вне рамок широкий пласт социальных инициатив, не функционирующих в подобном формате.

В-пятых, существуют подходы, делающие акцент на формы общественной активности, побуждаемые только определенными ценностными стратегиями: социального блага, справедливости, солидарности, моральности, добровольности и т.п. Разумеется, некоторая их совокупность представлена в формате НКО, но отнюдь не обязательно. Очевидно, что всякая социальная инициатива, даже в неформальном варианте, детеминированная подобными мотивами, является проявлением гражданского общества,

что отличает ее от общества квазигражданского, которое по внешним характеристикам может совпадать с реальным, но отличается, в первую очередь, своими мотивационными стратегиями. Например, официальный профсоюз публично может декларировать автономность и ориентацию на защиту социально-экономических прав трудящихся, но в действительности в основу деятельности его администрации могут быть положены интересы карьеры, лояльности, выгоды и пр.

Методология изучения гражданского общества

Подлинное определение системы под названием гражданское общество, его структурно-функциональных характеристик возможно только на общих методологических основаниях. Думается, что эта задача наиболее эффективно решается в рамках деятельностного подхода и теории социального конструктивизма, акцентированных на изучение систем, в которые включен человек. Целесообразность использования этих методологических принципов объясняется тем, что они по своей природе ориентированы на системное изучение социального субъекта, его детерминант и процессуальных характеристик.

Попытки осуществить анализ социальной организации общества как совместно мотивированной деятельности людей были предприняты в свое время М. Вебером и Т. Парсонсом. Если суммировать разработанную ими концепцию «социального действия», то ее можно свести к следующим пунктам: а) познание общества возможно только через анализ действий индивидов; б) социальное действие имеет определенную структуру: действующее лицо, цель, ситуацию (условия), нормативную ориентацию, реакцию объекта действия; в) несмотря на то, что социальное действие испытывает на себе сильное воздействие социальной организации общества и заданных ею образцов поведения, в своей основе оно является внутренне мотивированным, носит целенаправленный (рациональный) характер, обладает по отношению к внешнему миру активностью и творчеством; г) всякое социальное действие имеет свой «субъективный смысл», включающий как субъективную мотивацию индивида или группы, так и социальные ожидания – ориентацию на другого; д) основу детерминации социального действия составляет социокультурный фактор, формирующий соответствующую «картину мира»; е) в различных обществах исторически господствуют различные типы социального действия; ж) социальное действие как предмет научного анализа может выступать в предельно абстрагированной форме – как «идеальный тип».

Обычно деятельность рассматривается как то, что делает субъект. В трудах исследователей, разработавших методологию деятельностного подхода (С. Рубинштейн, А. Леонтьев, М. Каган, М. Демин, Г. Щедровицкий), деятельность рассматривается как объективно существующая универсальная целостность. Не отдельные люди, отмечает Г. Щедровицкий, создают и производят деятельность, а, наоборот, сама она «захватывает» их и заставляет вести себя определенным образом. «То, что мы называем «деятельностью», выступает, с одной стороны, как предельно широкая, по сути дела универсальная, конструктивная или оперативная система, из единиц которой можно строить модели любых социальных явлений и процессов, а с другой стороны (при соответствующей интерпретации) – как «субстанция» особого типа, подчиняющаяся специфическим естественным законам функционирования и развития» [12, с. 244].

Деятельность, рассматриваемая таким образом, приобретает очертания системы с имманентно присущими ей структурно-функциональными характеристиками. Каждый элемент системы относительно самостоятелен, имеет свою логику развития, но внутренне связан с другими структурными компонентами того же типа. «Система человеческой социальной деятельности оказывается полиструктурой, т.е. состоит из многих как бы наложенных друг на друга структур, а каждая из них в свою очередь состоит из многих частных структур, находящихся в иерархических отношениях друг с другом... Поэтому

можно сказать, что деятельность есть неоднородная полиструктура, объединяющая много разных и разнонаправленных процессов, протекающих с разным темпом и, по сути дела, в разное время» [12, с. 242].

В самом общем виде элементы структуры человеческой деятельности можно представить следующим образом: 1) люди, социальные группы и институты как субъекты деятельности; 2) их цели, потребности, интересы и ценностные ориентации, определяющие содержание мотивов деятельности; 3) средства и ресурсы деятельности; 4) совокупность действий и операций, посредством которых реализуется деятельность; 5) объект деятельности как сфера приложения материальных и духовных сил человека; 6) определенные рамочные условия их функционирования. Люди, таким образом, оказываются сами принадлежащими к деятельности, включенными в нее либо в качестве материала, либо в качестве элементов наряду с вещами, знаками, организациями и т.п.

Деятельностный подход при анализе гражданского общества позволяет достаточно четко определить структурно-функциональные характеристики изучаемого феномена. Однако открытым остается вопрос: каким же по содержанию является процесс детерминации социальных субъектов?

Для того чтобы найти ответ на этот вопрос, необходимо деятельностный подход дополнить новыми методологическими принципами анализа социополитических явлений и процессов. В этом отношении существенным эвристическим потенциалом обладает доминирующий в современной науке конструктивистский подход, ориентированный не только на то, чтобы выработать синтетическую основу для взаимообогащения и взаимопроникновения различных научных подходов, но, главное – на «рассмотрение идей в качестве значимых объяснительных причин политических процессов и событий... и их значимого внедрения в процесс конструирования интересов, функций, структур, институтов, миров, режимов» [13, с. 120].

Социальный конструктивизм, в первую очередь, противопоставляет себя экономическому детерминизму, минимизирующему роль идеологических факторов, а также теории рационального выбора, делающей акцент на меркантильности и утилитарности индивида, который, по мнению ее адептов, побуждается в социальной практике главным образом рациональными подсчетами возможных выгод и потерь. Со своей стороны социальные конструктивисты, признавая значимость рационального начала в социальной деятельности, главной задачей исследования видят поиск смысла тех идей и верований, которыми руководствуются социальные факторы.

В рамках теории социального конструктивизма социальное действие мыслится не как индивидуальный акт, а как система взаимодействий между людьми, которые в ней выступают как социальные субъекты, побуждаемые определенной совокупностью ценностных ориентаций, благодаря которым между ними достигается ценностное согласие, и идея (идеологии, идеологемы) превращаются в важный (и конструктивный) мотив социальной деятельности.

С особой силой социальный конструктивизм проявляет себя в формировании сетевого взаимодействия различных социальных субъектов: государственных институтов, бизнеса, ассоциаций гражданского общества. В рамках последних принципиальное значение имеют отношения доверия, ответственности, эмоционального комфорта, а также такие, обладающие мобилизационной способностью идеологические элементы, как символы, мифы, верования.

Структурные элементы гражданского общества

Исходя из выше обозначенных методологических принципов, сделаем попытку определить, что же из себя представляет гражданское общество и из каких структурных компонентов оно состоит. Сразу отметим, что гражданское общество выступает как

особая область человеческой активности, деятельности (практики), обладающая своей качественной определенностью, имеющая свои институционализированные формы, определенные правила игры, образцы поведения и мотивационные стратегии.

Начнем, разумеется, с его первоэлементов, «первокирпичиков», структурных компонентов, т.е. с субъектов различных форм социальной активности и самоорганизации населения страны, не опосредованных государством. Прием речь будет идти не только о деятельности определенных общественных организаций и социальных институтов, а социальных инициатив в широком смысле этого слова, так как мы в нашем анализе опираемся прежде всего на позицию американских исследователей Г. Алмонда и С. Вербы, утверждавших, что «гражданское общество – это не организация людей, реализующих теоретический или политический план, а общество обычных людей, которым удастся реализовать свои нужды и быть услышанными» [14, с. 133]. Следовательно, оно включает в себя все социальные практики людей, функционирующие в формате самоорганизации, независимо от степени их институционализации.

Исходя из этого подхода, к числу субъектов гражданского общества могут быть отнесены (и с этим солидарны большинство исследователей) следующие социальные структуры: 1) неправительственные и некоммерческие общественные организации, имеющие свое юридическое лицо; 2) политические партии и альянсы, не интегрированные в систему государственной власти; 3) профсоюзные организации; 4) социальные инициативы, не обладающие формальным правовым статусом, т.е. неоформленные группы интересов (например, группы жителей, протестующих против вырубки деревьев во дворе, или люди, организовавшие акцию по сбору денег на лечение ребенка); 5) жилищно-строительные кооперативы или товарищества собственников жилья; 6) благотворительные фонды и фонды местного развития; 7) система неформального образования, организованная за пределами государственных институтов; 8) инициативные группы по реализации Местных повесток – 21; 9) общественные и консультативные советы при определенных (не)государственных либо экономических институтах; 10) организованные акции (действия), выражающие позицию определенных социальных групп по отношению к конкретной проблеме (протест либо поддержка); 11) тематические клубы и клубы по интересам, например, клубы пожилых людей, сообщества садоводов; 12) независимые СМИ; 13) волонтерские отряды и группы; 14) негосударственные аналитические центры («фабрики мысли»); 15) «сетевые инициативы», связанные с новыми формами социальной коммуникации (интернет-сообщества), в особенности, форумы по интересам и др.

Разумеется, в различных странах выстраивается своя специфическая совокупность и иерархия основных игроков гражданского общества. Если, к примеру, в посткоммунистических государствах основными субъектами гражданского общества считаются профсоюзы или ветеранские организации, то в западных государствах таковыми выступают неправительственные организации. Возникает закономерный вопрос, являющийся до сих пор дискуссионным в исследовательской среде: будут ли семья, бизнес и церковь, органы местного самоуправления структурами гражданского общества (поскольку в них, безусловно, реализуются частные интересы индивидов)?

Думается, что в целом – нет. Хотя бы по той причине, что за гражданским обществом (и с этим солидарны большинство ученых) изначально закреплены определенные ценностные (однозначно позитивные) характеристики, а очевидно, что семьи бывают проблемными, бизнес – криминальным, церковь – закрытой от общества, органы местного самоуправления – узкокорпоративно направленными, не говоря уже об их однозначно политической природе.

Но безусловное «да» в тех случаях, когда эти социальные институты по своей воле в режиме самоорганизации выполняют определенную социальную миссию. На-

пример, в той ситуации, когда церковь, помимо своей базисной задачи по спасению душ человеческих, оказывает социальную поддержку «вдовам и сиротам» или же организует акции по «Сохранению Творения», т.е. окружающей человека природной среды, действуя уже как субъект гражданского общества, поскольку в режиме свободного выбора выполняет важную социальную миссию. Или же, например, когда молодые мамы, самоорганизовавшись, обеспечивают уход и воспитание детей-дошколят «на дому» и решают тем самым не только личные, но и общественные проблемы, выходя при этом за пределы чисто семейной жизни.

Отчетливая гражданская составляющая выступает и в рамках социальной ответственности бизнеса, когда он, выйдя за пределы своей основополагающей цели – получение прибыли, – организует действия по решению некоторых социальных проблем, например, возвращение полотен Шагала в Беларусь, или же участвует в благотворительных акциях, превращаясь тем самым в субъект гражданского общества. Органы же местного самоуправления, тотально интегрированные в систему государственной власти, не могут по этой причине выступать в роли субъектов гражданского общества.

Представляется целесообразным одновременно отказаться от достаточно популярного в настоящее время подхода, отождествляющего гражданское общество с «третьим сектором», т.е. сферой некоммерческих и неправительственных общественных организаций (объединений). По двум принципиальным причинам. С одной стороны, подобный подход оставляет вне контекста широкий круг социальных инициатив, не формализованных в НКО. С другой – эти социальные институты и институции должны соответствовать и другим (ценностным) критериям гражданского общества, поскольку, не соответствуя им, они превращаются в структуры квазигражданского общества, например, «огосударствленные» профсоюзные либо молодежные организации.

Выводы

Очевидно, таким образом, что сохраняющаяся терминологическая разногласия относительно структурно-функциональных характеристик гражданского общества требует, с одной стороны, освобождения его от политических идеологем, а с другой – поиска и обретения общих методологических оснований. В этой ситуации наиболее адекватными для его анализа являются методологические принципы деятельностного подхода и социального конструктивизма, основанные на теории социального действия М. Вебера, позволяющие не только вычленив основные компоненты гражданского общества и его функции, но, что особенно важно, определить аксиологическое содержание этого феномена, без которого он начинает функционировать в режиме «квази», «псевдо» или же «паллиатив». Кроме того, использование этой методологии позволяет четко вычленив основные элементы гражданского общества, пригодные для последующих операционализаций и сравнительного анализа. Все это позволяет избежать политических спекуляций на тему гражданского общества и нарисовать подлинную его картину во всем многообразии и одновременно противоречивости его элементов, что делает возможным выработку предложений по некоторой коррекции международных рейтингов развития гражданского общества в различных государствах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лэйн, Д. Гражданское общество в странах ЕС: идеология, институты и продвижение демократии / Д. Лэйн // Полис. – 2012. – № 2. – С. 98–116.
2. Басов, В.В. Гражданское общество и гражданские отношения: поиск смысла / В.В. Басов // Социс. – 2012. – № 2. – С. 74–81.

3. Кирдина, С.Г. Гражданское общество: уход от идеологемы / С.Г. Кирдина // Социс. – 2012. – № 2. – С. 63–73.
4. Красин, Ю.А. Становление гражданского общества. Российская головоломка / Ю.А. Красин // Полис. – 2012. – № 2. – С. 120–123.
5. Подъячев, К.В. Государство и гражданское общество в России: враги или партнеры? / К.В. Подъячев // Полис. – 2012. – № 3. – С. 104–106.
6. Гоббс, Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1 – 622 с.
7. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
8. Токвиль, А. де Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М. : Прогресс, 1992. – 554 с.
9. Кравченко, И.И. Концепция гражданского общества в философском развитии / И.И. Кравченко // Полис. – 1991. – № 5. – С. 128–138.
10. Соловьев, А.И. Три облика государства – три стратегии гражданского общества / А.И. Соловьев // Полис. – 1996. – № 6. – С. 29–38.
11. Загумённов, Ю. Индекс развития гражданского общества в Республике Беларусь / Ю. Загумённов // Аналитический бюллетень белорусских фабрик мысли. – 2001 – № 2. – С. 32–39.
12. Щедровицкий, Г.П. Избранные труды / Г.П. Щедровицкий. – М. : Школа культурной политики, 1995. – 800 с.
13. Сморгунов, Л.В. Сравнительная политология в поисках новых методологических ориентаций: значат ли что-либо идеи для объяснения политики? / Л.В. Сморгунов // Полис. – 2009. – № 1. – С. 118–129.
14. Федотова, В.Г. Непостроенная демократия: поучительные уроки / В.Г. Федотова // Полис. – 2012. – № 2. – С. 132–135.

Lysiuk A.I., Sokolovskaja M.G. Civil Society: Structural-Functional Characteristics (Part 1)

The purpose of a given article is expressed in the definition of structural-functional characteristics of civil society. First of all, studied are the main reasons of significant differences in the scientific interpretation of this phenomenon. Given is a critical analysis of main approaches to its definition. As methodological foundation for its study proposed are the principles of action approach and social constructivism. Based on these principles, in the first part of the article singled out are the main subjects of civil society, which receive brief characteristics. Compared are also civil and quasi-civil societies.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 26.12.2012